

18+

Мандарины, вперёд!

СБОРНИК ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Марта Кауц

Мандарины, вперёд!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63697568

ISBN 9785005307194

Аннотация

Какой новогодний подарок дороже бриллиантов? Как разозлить Деда Мороза? Что делать, если ты в прямом смысле слова «напился до чертей»? И где можно найти любовь в канун Нового Года?

Содержание

ЗАГС, коты и 35 в апреле	5
Персональный ад Валентины Петровны	15
Подготовка к Новому году	20
В сентябре я обычно выхожу замуж	25
До чертей	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мандарины, вперёд!

Редактор Марта Кауц

ISBN 978-5-0053-0719-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАГС, коты и 35 в апреле

В то время, когда мои коллеги красились и наряжались к новогоднему корпоративу, я была вынуждена остановиться у подъезда номер три. Именно через него я обычно попадала в мою девичью нору.

Ну говорят же холостяцкая берлога. Почему бы и мне не назвать свою обитель норой?

Девичья – это я, конечно, приукрасила. В апреле мне стукнет 35.

Стукнет – это не столько про возраст. Меня накроют вопли и стенания близких, если к тому времени я не найду и не вытащу волосатую, упирающуюся жертву из его берлоги, убедив, что дорога к счастью лежит через ЗАГС.

Несмотря на сибирский холод, вместо того, чтобы поскорее юркнуть в подъезд, я уставилась на мелкое дрожащее оно. Комок сидел в коробке. Ему даже была подложена пелёнка, но становилось ясно, что она не помогает согреться горемыке.

Схватив коробку, я попыталась открыть дверь. Пакет с покупками в левой руке жутко мешал. Тут домофон «запилил», и дверь начала открываться изнутри. Я посторонилась для надёжности.

Из подъезда выплывал Димка. Сосед всегда раздражал меня своей медлительностью. Пожалуй с детства, когда он

в смешных очках подходил к лифту. Под мышкой вечно была папка или книга. Такое ощущение, что это был костыль, без которого выйти из дома совершенно невозможно.

Но на этот раз я обрадовалась встрече.

– Дим, привет, поддержи дверь, у меня кот в коробке.

– Лена, у тебя же полный дом этих котов, – изумился Димка.

Дверь он подпёр спиной, давая мне возможность пройти. Шагнул следом обратно в подъезд, галантно предложив: «Давай помогу!».

Я сунула ему пакет и, кивнув, сказала: «Не полный дом, а всего три. Какие-то гады выставили его в коробке прямо у подъезда».

Кот мяукнул, словно подтверждая мои слова.

Мы с Димкой уставились на это рыжее существо.

– Наверное есть просит, – предположил Димка.

– Наверное рад, что мы его в тепло тащим, только мне совсем некогда. Я на корпоратив опаздываю. А там решается моя судьба.

– Что, уволить могут, если опоздаешь? – серьёзно спросил сосед.

– Хуже, – я вздохнула. – Если опоздаю, меня жизнь уволит. Мне в апреле 35 будет.

Димка странно посмотрел на меня. Видимо, в его суперлогичной голове никак не складывались пазлы с обрывками новогоднего корпоратива и моим тридцатипятилетием через

три месяца.

Что вообще мужики могут знать о наших часиках, которые тикают с каждым годом все более угрожающе. Это ведь не часики вовсе, а бомба замедленного действия. И я уже чувствовала, как она рванёт, если не начать действовать.

Моей целью на сегодня был корпоратив. Точнее, новый начальник Паша-Витя. Звали его, конечно, Павел Викторович, но за глаза мы ласково сокращали.

Дорогу до квартиры осилили молча. Димка, видимо, не представлял, чем ещё я смогу его озадачить и предпочёл не напрашиваться на новые ответы.

Я благоразумно молчала, понимая, что новых вопросов мне не осилить. Всем известно, что проще создать колонии на Марсе, чем мужчине объяснить женскую логику.

Сейчас бы феминистки набросились на меня с обвинениями в том, что я делю логику на женскую и мужскую. Они утверждают, что мы одинаковы и разницы никакой нет. Всё это установки, которые в голове. И я готова была согласиться, если бы не один вопрос.

Если мы одинаковые, почему мужики не понимают нашей логики, хоть тресни?

Поразмыслив и окончательно убедившись, что совсем не разделяю заблуждений насчет радужных перспектив делать все наравне с мужчинами, я еще больше устремилась к Паше-Вите.

– Димка, будь другом, приюти его ненадолго. Мне совсем

некогда заниматься.

Пользуясь его добротой на правах давней соседки, я отдала свой рыжий новогодний сюрприз на побывку, отогрев и первичное откармливание. В том, что у Димки есть молоко, я как-то даже не сомневалась.

Покормив свою ораву, состоящую из Муси, Пушка и Барса, я наспех переделалась.

Ногти покрасить точно не успею. Вернее, успею накрасить, но высушить точно нет. На этот случай у меня план Б. Нанести прозрачный лак на коротко остриженные ногти и сушить их уже в такси. И смажутся если, незаметно. Я забросила лак в сумочку и в ожидании машины, стала наносить макияж. Это лет в 17 мне требовалось ровно два часа на ровные стрелки, ресницы, брови и красиво стоящую залакированную челку. Сейчас же за пять минут я умудрилась накраситься. Помаду лучше наносить непосредственно перед встречей с потенциальным мужем.

– Курицына, ты опоздала, – язвительно встретила меня секретарша Ниночка. Больше, чем свою фамилию, я ненавидела только Ниночку. Когда уже её муж поймёт, что этот потрёпанный чулок примеряли все предыдущие начальники. Паша-Витя не проявлял особого рвения к её выдавшим виды чарам. Ниночка откровенно нервничала – новый начальник мог найти замену.

Проигнорировав её реплику, я поспешила в зал.

Стол накрывала Ирина Васильевна, бухгалтер на пару

с Машей, уборщицей офиса. Паши-Вити ещё не было. Наталья Петровна, начальник экономического отдела, ворковала с менеджером по продажам, который годился ей в сыновья. Сисадмин Илья диджействовал у аппаратуры, чтобы «врубить» нам настроение. Остальные болтали, кучками распределившись по залу.

Наконец, появился начальник. Высокий, в простых джинсах от именитой фирмы и белоснежной рубашке, на фоне которой отлично смотрелись его черные волосы. Женщины, как по команде, повернули головы, разглядывая Пашу-Витю.

Мы приступили к официальной части – поздравлениям, тостам и пожеланиям.

Мне, например, пожелали и дальше не выходить замуж, так как если я уйду в декрет, работать в отделе маркетинга будет некому. Шутку я оценила и сказавшему её начальнику отдела автоматизации мысленно пожелала прищемить кое-что на ближайшем сеансе в кинотеатре.

В итоге я «хряпнула» тройную порцию коньяка, чтобы наверняка успокоить нервы.

Наконец, официальная часть закончилась, и народ начал танцевать. Ниночка плавно поднялась со стула и уже настроила свои боеголовки, взяв курс на Пашу-Витю.

Я тоже не растерялась и, оббежав соперницу с криками: «Павел Викторович! Срочно пригласите меня на танец», победно вцепилась ему в бицепсы.

Паша-Витя расплылся в улыбке.

– Лена, я буду счастлив, если вы спасете меня от Ниночки, – шепнул он и, слегка прижимая меня к себе, начал двигаться в такт музыке. Я активно помогала.

Ниночка, не понимая, видимо, как это произошло, оставалась. И, выпучив на нас глаза, начала дышать, по-рыбьи хватая воздух.

Краем глаза я наблюдала за ней и едва сдерживалась, чтобы не кричать от радости.

После танцев мы выпили еще по коньяку. Секретарша куда-то испарилась. Еще несколько медленных танцев Паша-Витя галантно посвятил мне. И я «хряпнула» дополнительно пару стопок, чтобы железно закрепить успех этого вечера.

Потом подошла наша бухгалтер и, назвав наш танцевальный дуэт лучшим, предложила тост. Коньяк снова был «в деле».

Танцевать мне больше не хотелось, я уютно прижималась к начальнику, и мы продолжили отмечать за столом. Выслушав пару забавных историй из жизни бухгалтерии, я сделала вывод, что Ирина Васильевна – классная тётка. И снова выпила. От чувств, нахлынувших в связи с этим открытием.

Ниночка обнаружилась не сразу. Корпоратив был ещё в разгаре, но Паша-Витя предложил продолжить общение у него дома. Я, как приличная девушка, всеми силами стремящаяся замуж, отказалась. Тогда он предложил поехать ко мне с целью лично доставить меня домой и передать из рук

в руки, вернее в лапы, котам, о которых он пока не догадывался.

Начальник вызвал такси, и мы направились в переговорную, которая на время празднования была задействована под гардероб. Дверь не поддавалась, и Паша-Витя еще раз нажал на ручку. Я, слегка пошатываясь, стояла рядом. После нескольких попыток он начал стучать в дверь.

Сначала тишина. Но после слов Паши-Вити о такси и о том, что сейчас он эту дверь вынесет, послышался писклявый голос Ниночки. Еще через пару минут растрепанная, с размазанной по лицу помадой и наспех застегнутой блузкой, она наконец открыла и гордо прошла мимо. Следом, опустив голову, выскользнул менеджер по продажам Саша. Недавно мы фирмой поздравляли его с рождением дочери. Видимо Ниночка решила поздравить повторно. Тет-а-тет, так сказать.

До дома добрались без приключений. Паша-Витя, встреченный и обнюханный моей оравой, предложил приготовить чай, считая, что коньяка на сегодня хватит.

Мы сидели за столом, напротив друг друга, и я утопала в его глазах, слишком красивых, чтобы существовать в реале. Романтические чувства, усиленные пятизвездочным эликсиром, взяли надо мной верх. Я поняла, что хочу поцеловать этого мужчину.

В этот момент его телефон зазвонил.

– Это невеста, – сказал Паша-Витя и вышел в коридор.

Я просто открыла рот и замерла. С первого дня его появления у нас была информация, что начальник не женат. Откуда она появилась, я не знаю. И мы все были свято уверены, что у него никого нет.

«Вот дура!»

Паша-Витя вернулся и, галантно улыбаясь, сказал, что теперь спокоен за прекрасного сотрудника отдела маркетинга и после праздников будет с кем обсудить моё повышение. После нескольких дополнительных комплиментов работе нашего отдела он весело подмигнул Муське, сидевшей на соседнем стуле. Муська тут же отреагировала, вытянув лапу и зацепив его джинсы.

– Ах ты, невоспитанное животное, – сказал начальник, пытаясь отцепить лапу.

– Ну знаете, – отцепляя Муську от штанины, взорвалась я. – Вы не имеете права оскорблять моих животных. Поезжайте к своей невесте, а мне пора спать.

Я проводила его к двери. Внутри все кипело. Обидно было за Муську. Но еще больше за себя. Вот почему я такая невезучая?

Убедившись, что он забрал свои вещи, я помогла открыть дверь с хитрым замком. На пороге стоял Димка.

– А вот и мой жених, заходи.

Я втащила соседа в коридор и победно уставилась на начальника. Он окинул взглядом «жениха» и, сухо сказав: «Очень приятно и до свидания», скрылся на площадке.

– Лена, я насчёт котенка. С ним всё в порядке. Он поел несколько раз. Сейчас спит. Может, не стоит его будить. Пусть у меня переночует?

Я хотела ответить что-то, но разревелась как дура. Димка усадил меня на диван и принёс воды.

– Лена, ну ты чего? Ты же такая красивая. Такая добрая. Кошки тебя вон любят. Ну ты чего плачешь?

– Димка, я опоздала, понимаешь? Я всегда опаздываю.

– Куда опоздала?

Он вытер слёзы с моего лица. И погладил по голове. Я прижалась к нему и разрыдалась ещё больше.

А потом подняла глаза и увидела, что он нежно смотрит. Он всегда так смотрел на меня.

– Димка! – меня осенила мысль. – Ты же тоже любишь кошек!

– Я? – сказал сосед. Он растерянно хлопал глазами. – С чего ты взяла?

– Ну ты же сам сказал! Пусть спит котёнок, не надо его будить. Так мог сказать только человек, который любит кошек, понимаешь?

Димка кивнул, но, судя по его взгляду, он ничего не понимал.

Я прижалась к его груди ещё сильнее, и мне стало спокойно. За окном было темно, но впервые я не чувствовала себя одинокой в квартире ночью.

И тут он поцеловал меня с такой страстью, что я только

успела подумать: «Это точно мой сосед? Тот самый Димка, который мне знаком с детства?»»

Больше мыслей никаких не было.

То ли от поцелуев, то ли от коньяка, голова отказывалась соображать.

Да и когда она нужна была в делах страсти?

Екатерина Денике

Персональный ад Валентины Петровны

Маленькие черти вошли в жизнь Валентины Петровны нагло, резко, без предупреждений. В один снежный вечер ей вдруг показалось, что квартира сверху превратилась в репетиционный зал цирка-шапито. Потолок Валентины Петровны стал полигоном для тренировок начинающих артистов-трудооголиков. По арене забегали плохо выдрессированные, вечно ржущие, лошади. Гири из рук так себе силой начали падать с завидной регулярностью. Клоуны долго и усердно репетировали одни и те же шутки с падением и хотали, будто проглотили клаксончики.

Время от времени до ушей Валентины Петровны доносился отчаянный крик дрессировщика, который тщетно пытался докричаться до артистов, напоминая им о необходимости заканчивать этот балаган. Но, видимо, артистам надо было подготовить смертельный номер до полуночи, потому что заканчивать никто и не думал.

Когда часы пробили десять раз, Валентину Петровну осенила новая догадка: это не цирк, это ад! Наверное, над её квартирой открылся портал, и она стала невольным свидетелем вечеринки неугомонных духов зла.

Валентина Петровна была представителем жаворонковых.

Обычно в это время она видела второй сон с привкусом клубничного ликёра и менять свои привычки не была готова. Поэтому она решила подняться на этаж выше и опытным путём выяснить, какие заклинания сработают в данном случае для изгнания нахальных бесов.

Но пока она переоблачалась для сеанса экзорцизма, наверху всё стихло так же резко, как и началось. Будто адские создания разгадали благие намерения Валентины Петровны и испугались её обряда. Обескураженная женщина выждала для верности минут десять и принялась разоблачаться.

И всё же закончить этот вечер без магических обрядов не удалось. Нарушенная гармония внутреннего мира Валентины Петровны после того, как она стала невольным свидетелем адской вечеринки, требовала восстановления, чтобы гарантированно перейти до самого утра в царство Морфея. Поэтому пришлось сделать массаж головы и употребить внутрь тридцать капель сонного зелья.

Так у Валентины Петровны появились новые соседи. Не то чтобы она любила предыдущих, но по сравнению с теперешними, они казались ей почти идеальными. Ну, ремонт делали полгода – с кем не бывает. Подумаешь, сверлили они, да стены штробили – так днём же всё, днём!

Эти же черти днём были ангелами. Наверное, потому, что в это время их не было дома. Но каждый вечер в шесть часов начиналась очередная вакханалия, которая резко заканчивалась в девять. Валентина Петровна пыталась прикинуть,

сколько «живых» предметов осталось в квартире сверху. Её воображению рисовались обломки столов и стульев, вывернутые наизнанку дверцы шкафов, выкуроченные люстры, сорванные гардины и груды осколков, втоптаные в пол. Порой ей казалось, что громить больше нечего, но, как ни странно, в следующий вечер всё повторялось. Каким чудесным образом происходило восстановление из руин за один день, она не представляла. Без магии такое невозможно.

У Валентины Петровны тоже были маленькие внуки, которых она вспоминала всякий раз, когда сверху на её голову падали очередные каменные глыбы. Неужели её ангелочки так же сводят с ума своих соседей? Никогда прежде подобные мысли не приходили ей в голову. Сейчас же она не могла от них отделаться. Да нет, такого просто не может быть. Её дети хорошо воспитаны, не то что эти...

Валентина Петровна не любила ссориться с людьми, тем более с соседями, да и время балагана сократилось на час, по сравнению с первым вечером, поэтому она решила пока не ругаться.

Тем более уже маячил шелестящей, сверкающей мишурой праздник, который был всегда старым и всегда новым. В воздухе витали мандариновые ароматы и флюиды волшебства. И Валентина Петровна погрузилась в поиск подарков для своих милашек, которых ждала в Новогоднюю ночь в гости. Она часами, насколько ей позволяли скрипучие колени, бегала по магазинам в поисках подарков, закупала продукты

для праздничного стола, убирала и украшала дом. А потом лепила, стряпала и выставляла блюда на балкон.

Накануне самой главной ночи в году случилось чудо. Валентина Петровна воочию увидела тех самых чертей, которые внесли коррективы в её режим дня. И предстали они в образе трёх милых гномиков в красных колпачках. Гномы позвонили к ней в дверь и, смущаясь, протянули белую коробочку, перевязанную красным бантиком. За спинами стояла их Белоснежка:

– С наступающим. Примите от нас небольшой подарок. И извините за постоянный шум.

Губы Валентины Петровны сами собой растянулись в нелепой улыбке, а ресницы глупо захлопали, как в далёком семьдесят пятом, когда одноклассник Володька молча и нерешительно взял её портфель и понёс к дому.

Видимо, эти черти-гномы обладают такой магией, которая позволяет любого, заглянувшего им в глаза, превращать в мягкое карамельное мороженое. Валентина Петровна не устояла перед чарами и беспечно распахнула дверь, сделав пригласительный жест:

– Милости просим, гости дорогие. Сейчас придут мои внуки. Вы с ними подружитесь.

Вот так неожиданно для Валентины Петровны на весь праздничный вечер, почти до самых курантов, адский цирк передислоцировался в её квартиру и в, теперь уже, усиленном составе несказанно радовал своими изысканными номе-

рами соседей снизу.

Но в Новогоднюю ночь можно позволить себе всё, даже персональный маленький ад.

Кристина Пономарева

Подготовка к Новому году

– Кошмар, кошмар, кошмар, я ничего не успеваю.

Люда бегала по квартире, то снимая с вешалок новогодние джемпера, то доставая из холодильника холодец и убирая обратно, то выбрасывая в мусорное ведро бумажки, собранные под столом. И когда уже муж научится убирать за собой после очередного «творческого порыва».

– Да успокойся ты. Все же нормально.

Ее муж Василий развалился на диване, закинув на подлокотник ноги, и щелкал пультом телевизора. Но по всем каналам, как назло, шла реклама, а программу в газете смотреть было лень. Его спокойствие еще сильнее злило Люду.

– Вот как ты можешь так сидеть? Встал бы и помог.

– Я бы с удовольствием, – Василий потянулся и сделал большие глаза, – но боюсь, что меня снесет взрывной волной.

– Чего? – Люда от неожиданности замерла на месте. – Какой еще взрывной волной?

– Милая, когда ты нервничаешь, тоносишь все на своем пути. Так что я лучше посижу. О «Карнавальная ночь», ну хоть что-то, – и Василий уткнулся в телевизор так, словно никогда в жизни этого фильма не видел.

Люда кинула в него джемпером, но тот не долетел, а жалобно спланировал за спинку дивана. Хорошо хоть уборку с утра делала.

– Аааа, что это? – заорала Люда так, что даже кот, лежавший на подоконнике, открыл один глаз и недовольно покосился на нее. – Я же просила тебя вычесать Пушка.

– Я вычесал. Смотри, как он гладкий, – Василий гордо кивнул на кота, который повернулся на другой бок и только что не захрапел.

– Но зачем ты бросил его шерсть за диван? Посмотри на джемпер: он же теперь не красный, а серый.

– Какая ты капризная. Зато теперь он раза в два теплее, – Василий снова уткнулся в телевизор.

Люда посмотрела на него, на кота, на джемпер, сделала глубокий вдох, как учили на йоге, и выдох, закрыла глаза ладонями и заплакала. Никто не обратил на это внимания.

Вечером Люда долго ворочалась и не могла уснуть. Василий с Пушком уже видели десятый сон, когда женщине наконец удалось задремать.

Едва прикрыв глаза, она тут же их открыла от громкого голоса:

– Рота, подъем.

Подскочив, Люда огляделась по сторонам и увидела, что она не у себя в квартире, а в каком-то длинном помещении, сплошь заставленном кроватями, на которых сидели такие же перепуганные люди: мужчины и женщины, старики и дети.

– Я кому сказал подъем, – рявкнул тот же голос.

Люда подняла голову и увидела, что наверху, опираясь

на перила, стоит реальный Дед Мороз. Подтянутый, в длинной серебристой шубе и такой же шапке, с посохом, белой бородой и усами. Вот только он ничуть не был похож на того доброго дедушку, который дарит детям подарки. Скорее перед ними стоял Кутузов или Суворов.

– Хватит разлеживаться. У вас еще масса дел. Кто будет готовить мир к встрече Нового года?

– А разве он не сам приходит? – пискнул чей-то голос слева от Люды. Там сидела совсем молоденькая девушка лет шестнадцати.

– Вы, милочка, уже достаточно взрослая, чтобы понимать: никто никуда сам не приходит. Надо пригласить и обеспечить условия, так что не отлынивать тут мне.

Дед Мороз так строго посмотрел на девушку, что та спряталась под одеяло. Люде послышалось, что она шепчет «Надо проснуться».

Женщине и самой бы хотелось, чтобы все это кончилось. Она даже ущипнула себя за плечо. Стало больно, но она не проснулась.

– Ха-ха-ха, – расхохотался Дед Мороз, – вы не проснетесь, пока я не разрешу. Так что вставайте и на переключку.

Оглядываясь друг на друга, люди начали вылезать из своих кроватей и выходить на середину комнаты. Дед Мороз хлопнул в ладоши, и на всех оказались костюмы гномов. Даже борода появилась.

– А почему не в эльфов? – подал голос мальчишка лет

десяти.

– Костюмы эльфов забрал Санта-Клаус. Так что – либо так, либо мерзни на морозе в пижаме. Что выберешь?

Мальчик промолчал. Люде стало его жаль, и она подняла руку.

– Я так понимаю, еще у кого-то назрел вопрос, – в голосе Деда Мороза не было осуждения, только любопытство. – Ну что ж, спрашивай.

– Почему вы собрали здесь именно нас? Я еще могу понять необходимость помощи в подготовке Нового года от взрослых. Но зачем вы вытащили детей? Они в вас верят, ждут чуда...

– Отличный вопрос, – гаркнул Дед Мороз, не дав Люде договорить. – Вот расскажи нам, как ты готовишься к празднику. Хотя нет, лучше мы все вместе посмотрим.

Дед Мороз повернулся к ним спиной и подул. Из его рта вырвалась струйка белого дыма, который растекся по стене, превратившись в экран. Замелькали картинки.

Вот Люда стирает джемпера, вот делает холодец и оливье, вот убирает квартиру. Потом появились и другие. Каждый в комнате увидел себя со стороны. Они были разного возраста, внешности, даже традиции у них отличались. Но было и кое-что схожее. Каждый не ждал Нового года как чуда, а впахивал по дому, чтобы все было идеально. И даже не получал удовольствия от этого.

Экран погас. В комнате стояла тишина. Никто не решался

ее нарушить.

– Теперь поняли? – голос Деда Мороза был уже не боевым, а грустным и усталым. – Вы сами лишили себя ощущения праздника, пытаясь все сделать правильно и встретить Новый год во всеоружии. Но у нас же не военные действия. Это время чудес. Почему вы про это забыли?

Все молчали. Потом всхлипнула девушка, за ней шмыгнул носом мальчик. Через секунду уже каждый в комнате рыдал, оплакивая свою утрату: то, что перестал ждать и верить в чудо, а праздник заменил суматохой и внешней атрибутикой.

Люда плакала вместе со всеми. В этот момент ее кто-то встряхнул за плечо. Женщина обернулась и увидела своего мужа. Она снова была дома.

– Люда, ты чего? – Василий был встревожен и даже не пытался прятаться за привычными шутками. – Ты из-за меня что ли? Не надо, не плачь. Я и Пушка вычешу, и мусор выброшу, и пол помою, и...

Люда закрыла ему рот ладонью.

– Просто подари мне чудо.

Василий улыбнулся и обнял жену...

На следующий Новый год их было уже четверо, включая недовольного вычесанного Пушка.

Анастасия Жилиякова

В сентябре я обычно выхожу замуж

Аля долго стояла перед обшарпанной парадной и мысленно ругала себя за очередную авантюру. Дом хоть и располагался в самом центре города, но своим облезлым видом навевал больше тоску, чем дарил веру в счастливое будущее. Два раза сверив адрес по бумажке, девушка сунула ее в карман и с трудом потянула на себя тяжелую дверь.

Внутри неприятно пахло сыростью.

– Ну, кто бы сомневался, – простонала Аля, заметив на решетке лифта табличку с надписью: «Не работает».

Еле взбираясь с тяжеленными сумками по ступеням, девушка представляла, что ожидает ее за дверью старой питерской коммуналки. Мозг упорно издевался. Он рисовал картины очередей из жильцов в грязный туалет и коридорных стен, увешанных оцинкованными тазами и велосипедами.

«Надо было у отца подарок на Новый год деньгами попросить. Так бы хоть на гостиницу хватило».

– Ты не бойся, у меня мать мировая! – сказал сосед, протягивая Але бумажку с адресом. – Я ей сказал, что ты на несколько дней, она не против.

– Да я не боюсь, дядь Вить. Спасибо! Но вы хоть фотографию-то покажите, чтобы я ее узнала.

– Дык мы ж с ней на одно лицо, – довольно оскалился дядя Витя. – Не перепутаешь.

«Значит высокая толстая тетка с плохими зубами. И, скорее всего, ходит в застиранном халате и с бигуди на жиденьких волосенках».

Аля тяжело вздохнула и обреченно нажала на кнопку звонка. Через пару мгновений дверь перед ней распахнулась. На пороге стояла красивая женщина неопределенного возраста в розовом пушистом кардигане и обтягивающих серых джинсах. Фигурой она напоминала скорее преподавателя балетного училища, чем мать пузатого дальнобойщика. А кусочек квартиры за ее спиной был светлым и чистым, что даже близко не напоминало коммуналку.

Девушка от неожиданности потеряла дар речи и произнесла первое, что пришло в голову.

– Привет!

– ЗдравОво! – женщина серьезно смотрела на странную незнакомку. – Ты ко мне? Или просто поприветствовать?

– Ой, простите, – Аля виновато улыбнулась. – Я из Гурьевска. Ваш сын должен был...

– Да поняла я уже, входи, – женщина пропустила гостью внутрь. – Раздевайся, руки мой и на кухню.

В квартире все благоухало и стояло на своих местах. Красивая новая мебель, а на стенах, вместо ржавых велосипедов, картины и расписные тарелки.

– А я думала, что вы не одна живете, – Аля заворо-

женно осматривала пространство кухни. – Как у вас уютно, слов нет.

– Соседей я уже давно расселила, – хозяйка сняла крышку с бело-синей супницы и опустила в нее поварешку. – Намазлась, конечно, но эта квартира того стоит. Посмотри сюда.

Вид из окна открывался сказочный. Незнакомая Але питерская улица светилась внизу праздничными огнями, а старые дома уже не казались такими облезлыми и страшными.

– Ну, рассказывай! В музеи приехала?

– Не, я замуж.

Женщина замерла с тарелкой в руках и с удивлением посмотрела на Алю.

– Странно. А почему к жениху не заселилась?

– Да я просто еще не знаю, за кого мне пойти.

– Так, а это уже интересно, – усмехнулась женщина.

Аля взяла ложку и кусочек черного хлеба.

– Не, мне правда очень надо! Понимаете, у меня уже возраст критический. Мать постоянно талдычит, что я в девках болтаюсь, а у нее в двадцать пять уже трое детей было. Короче, пришлось даже на сайте знакомств зарегистрироваться.

– Ну и?

– Там извращенцы правда одни. Но с тремя более-менее нормальными парнями списалась. Теперь вот выбирать приехала.

– И все трое из Питера оказались? Ну те, которые более-менее.

– Так я ж там специально фильтр поставила. Зачем мне не пойми откуда? А здесь культурная столица всё-таки, люди психически здоровые. Не то, что у нас.

– Ну да, ну да. Здоровые, – покачала головой хозяйка.

– В общем, я решила сразу после Нового года смотрины им устроить. Пока каникулы, чтобы мне отгулы не брать. Один, правда, занервничал. Типа, неожиданно как-то это все, не планировал так быстро отношения развивать. А куда тянуть? – Аля отправила ложку борща в рот. – Мне в сентябре край надо замуж выйти.

– Прям уж и край?

– Ну, у меня по жизни так складывается. Я ж обычно замуж в сентябре выхожу. Сначала в первом классе Сережка Романов на линейке всем сказал, что я его женой буду. А потом в институте мы с Борькой в начале учебного года съехались. Неофициально, правда, но это же все равно гражданский брак. Так что надо поднапрячься.

– Да, тут точно без вариантов, – сдерживая улыбку сказала женщина.

– Вот и я говорю. Тем более, что в сентябре овощи и фрукты дешевые. А дальше уже не сезон будет.

– А почему не летом все-таки? Тепло же, красиво.

– Так все равно в отпуска разъезжаются, – Аля достала из кармана джинсов сложенный листочек. – Я уже у всех узнала. Ивановы и Мальцевы точно на все лето уедут, Козловы в июне в Турцию летят. Дядя Боря, крестный мой, пу-

тевку в санаторий на август взял. А без него точно нельзя, он на баяне играет. Нестеренко вот жаль никуда не собираются. Я бы их вообще звать не стала, но потом тетя Света мамке все нервы вытрепет же. Да и не получится летом, дел много. Точно не успеем. В сентябре самый раз будет.

– Ты что, в Гурьевске свадьбу играть собралась?

– Конечно! У вас же тут дорого все. А я уже и с завклубом договорилась, он мне скидку обещал, – Аля доела хлеб и передала пустую тарелку. – Спасибо, очень вкусно. Только я вот пожирнее варю.

– Это на втором бульоне. Я сейчас на ПП, – женщина убрала посуду в раковину и включила чайник.

– Аааа, понятно, – непонимающе сказала Аля. – А жить, вы не подумайте, мы не там будем. У нас же в райцентре совсем делать нечего. Из развлечений только самогон и «Музыкальный сюрприз».

– Господи, а это что еще такое?

– Это когда по телевизору тебе сначала поздравления на день рождения читают в стихах, а потом клип ставят. Очень классно, у нас весь Гурьевск в субботу смотрит. Меня в прошлом году аж три раза поздравляли, а Вальку, подружку мою – пять. Она потом полгода нос задирала. И так он у нее длиннющий, как у Буратино. Когда в гости приходит, так сначала нос в комнате появляется, а потом уж через три секунды Валька.

– А тебя зовут-то как? Я ж даже не спросила.

– Алевтина. Можно Аля.

– Красиво. А для солидности можно и Тина.

– Ага, как Канделаки.

– Да уж точно не Тернер, – женщина усмехнулась и стала наливать чай. – Меня называй Вера. И никаких «Афанасьевна», иначе подружки ржать будут. Мы с ними в последнее время молодимся изо всех сил. Вечером, кстати, познакомишься. А пока отдохнуть с дороги тебе надо.

Около семи вечера Аля, протирая глаза, вышла в гостиную. За столом помимо хозяйки сидели две незнакомые женщины, одна из которых делала Вере маникюр.

– А вот и моя компаньонка, – Вера помахала девушке свободной рукой. – Знакомьтесь, Аля.

Гости обменялись приветственными кивками.

– Это Соня, – Вера указала на маникюршу. – Но мы называем ее Мармеладова.

– В смысле? – Аля сделала большие глаза. —Мармеладова, она же...

– Проститутка? – засмеялась Соня. – Да знаю я. Но мне очень нравится, как звучит.

– А вот Сима, – Вера показала на шупленькую женщину, сидящую справа.

– Гулливер?

– Какой Гулливер? – удивленно переспросила Сима.

– Ну, в «Интердевочке» проститутка была Сима-Гулливер. Или вы все-таки не по этому принципу себе прозвища

придумываете? – смутилась Аля.

Женщины захохотали.

– Садись уже, Интердевочка, – вытирая слезы от смеха сказала Вера. – Чайник только вскипел. Маникюр не желаете новогодний? Соня, как только на пенсию вышла, сразу курсы крутые закончила. У нее весь наш район обслуживается.

– А я подумала, что это ваша основная профессия, – обратилась к Соне девушка. – Обычно пенсионерки таким не занимаются.

– По специальности-то я проектировщик. Но вот, жизнь заставила. Сима сертификат нутрициолога год назад получила. Мы всем подъездом теперь по ее методу питаемся. Это Вере у нас хорошо. Она математикой своей всю жизнь репетиторствует, гениев выращивает. Ей не пришлось, как нам, квалификацию менять.

– А ты, Аля, кем работаешь? – помешивая ложечкой в кружке бесцветную густую массу спросила Сима.

– Учителем истории. Я еще в детстве узнала, что в один день с историком Бережковым родилась, и сразу поняла, что это судьба. У нас с ним 24 июня день рождения.

– Хорошо, что не с Эйнштейном. А то б тебе пришлось атомную бомбу в сарае собирать, – хихикнула Соня. – Ну, а к нам по какому поводу пожаловала? Пронестись по городу музейным галопом?

– Нет, девочки, – Вера засунула под лампу покрашен-

ную руку. – Аля планирует найти в Питере высокодуховного спутника жизни. Причем срочно.

– А она забавная, – Сима выпила залпом содержимое кружки и поморщилась. – Деточка, вы мыслите стереотипами. Любовь к поэзии и знание пары архитектурных памятников – это не залог счастливого брака. Пригодится только кроссворды разгадывать.

– Вот-вот, – засмеялась Соня, нанося новый слой лака на ногти Веры. – Мне Семен Петрович третий день в парке Мандельштама с Бродским читает. Как заведет свое «бу-бу-бу», хоть головой в сугроб лезь. Я ему: «Уважаемый, я не гуманитарий, я технарь. Мне ваш хорей никуда не упирается.»

– А он? – спросила Вера сквозь хохот.

– А, – махнула рукой Соня. – Там тяжелый случай. Все не теряет надежды меня поставить на путь истинный.

Женщины еще долго смеялись и весь вечер пили шампанское из фужеров, украшенных мишурой.

– Ты представляешь, что Сима учудила? – Вера встретила в коридоре Алю, вернувшуюся со свиданий. – Повелась на какие-то Рождественские скидки и купила в кредит массажное кресло. За сто с лишним тысяч! Ну, вечно не в говно, так в партию. За такие деньги я бы целого массажиста себе купила, молодого и красивого. А ты чего без лица совсем?

– Полный провал, Вер, – Аля чуть не плача стягивала ботинки. – Домой хочу.

– Это у тебя ломка без «Музыкального сюрприза». Сего-

дня ж суббота, – Вера потрепала девушку за плечо. – Ну, перестань. Кавалеры что ль не пришли?

– Один не пришел. Это тот, который сразу испугался, – всхлипнула Аля. – Второй оказался лысым мужиком сорока пяти лет. На сайте фотку сына вместо своей выставил.

– А третий?

– А третий как начал мне стихи без остановки читать. Вот реально, одно «бу-бу-бу». Потом попросил заплатить за его кофе и по карманам бесплатные печенюшки стал тырить. Позорище!

– Тьфу, ерунда какая. Пойдем лучше обедать, а то у меня скоро занятие начнется. Будущий Нобелевский лауреат Лев Валерьянов собственной персоной прикатит на папиных Жигулях. Или ты печенья налопалась?

– Да я ведь уже всем дома растряндела, что к жениху еду. Как возвращаться теперь? Валька громче всех смеяться будет, я ее знаю.

– Слушай, Алевтина, – Вера сделала серьезное лицо. – Запомни одно: ты никому ничего не должна, кроме себя самой. Вон хотя бы на сына моего посмотри. Сколько сил и труда в него было вложено. А он в один прекрасный момент вдруг понял, что машины любит сильнее таблиц Бродиса, и плевать хотел на то, что я подумаю или друзья скажут. Зато живет счастливо и деньги зарабатывает. И ты на всех плюнь. Так живи, как тебе хочется, а не как мамка велит или Валька правильным считает.

– И снова поздравления в нашем эфире для Алевтины Мотиной.

Валька недовольно покосилась на именинницу и с равнодушным видом уставилась в телевизор.

– Желаем искренне, сердечно

Не знать волнений и тревог,

Чтобы сопутствовали вечно

Здоровье, счастье и любовь!

Вдруг диктор слегка замешкалась.

– Хм, постскриптум, как здесь указано, обязателен к прочтению. «Аля, срочно приезжай. В нашем подъезде новый молодой жилец. И он совсем не любит стихи. К сентябрю все успеем. Всегда твои, Соня Мармеладова, Сима-Гулливер и Маленькая Вера». А для Алевтины в этот прекрасный день звучит песня в исполнении американской певицы Тины Тернер «You simple the best».

Женя Нефедова

До чертей

Последний день уходящего года не задался с самого утра. Наташа искрилась похлеще бенгальских огней и готова была взорваться от злости. Всему виной был отказ мужа Вадима провести новогоднюю ночь в обществе тещи. На него не действовали ни просьбы, ни уговоры, ни слезы, ни ругань, ни поцелуи. На каждый убедительный довод, у Вадима находился более весомый аргумент, чтобы отстоять принятое решение.

– У мамы елка! – Наташа опустилась на колени, зашнуровывая ботинки трехлетнего Олежки.

– А у нас, можно подумать, береза, – Вадим указал на двухметровую ель, украшенную золотыми шарами.

– Подарки!

– Знаю ее подарки! Дорогуший вертолет для внука, комбайн для дочери, а любимому и единственному зятю трусы шестидесятого размера из стратегического запасника почившего тестя. А потом каждый приход в гости начинается со слов: «Вадя, ты носишь подаренные мною трусы?» А я опа... – Вадим ослабил ремень, демонстрируя ситцевые трусы с ромашками. «До дыр сносил не снимая, за новыми пришел»

– Традиция такая, – обиженно всхлипнула Наташа.

– А разговоры за столом про подагру, запоры и псориаз, тоже традиция?

– Не только про это!

– Ах да, прости, еще про мордатого домового с бурой шерстью, который садится ей на грудь и дышит в лицо.

В комнате повисло напряженное молчание, даже упакованный в комбинезон Олежка перестал сопеть.

– Мама готовила. Старалась. Все для нас. Курочка, грибочки, пирог ... – Наташа сделала еще одну попытку заманить мужа в гости.

– Ты же прекрасно знаешь, чем заканчиваются подобные застолья. Напомнить?

– Тебе трудно похвалить каждое приготовленное мамой блюдо?

Вадим склонился в почтенном поклоне и запел елейным голосом:

– Мммм... рыбка... ум отъешь. Картошечка – язык проглотишь. А курочка до чего сочная. Чудный пирог! Не подскажите рецептик? Испеку к выходным. Ах, это магазинный? В очереди час простояли? Оно того стоило! А я не хочу хвалить каждый проглоченный кусок. Я хочу просто жрать! Молча! Неужели трудно включить логику? Если ем, значит, нравится!

– Я поговорю с мамой. Обещаю! – Наташа приподнялась на носочках и поцеловала мужа в губы. – Оливье, с говяжьим сердцем, как ты любишь...

– Я с колбаской люблю! С докторской! И ложкой из общей салатницы наворачивать и чтобы никакая... кхе-кхе...

мама в рот не заглядывала и под руку не ворчала: «До полуночи час, а оливье на исходе». А после полуночи истерику закатить, что салат не доели.

– Значит, не поедешь? – Наташа изогнула бровь коромыслом.

– Нет! – категорично подтвердил Вадим. – Всегда мечтал отметить Новый год один. В трусах, перед телевизором...

– Со вчерашней вермишелью и банкой сардин на столе, – съязвила Наташа.

– ...и напиться до чертей!

– Ну и оставайся со своими чертями! – Наташа сорвала с вешалки пуховик и ухватив истомившегося ожиданием Олежку, вытолкала в подъезд.

Дома в одночасье стало тихо и неудобно. У Вадима даже промелькнула мысль броситься вдогонку за женой и сыном, но усилием воли сдержал внезапный порыв.

К десяти вечера, когда до чертей было еще далеко, но штормило прилично, ожил дверной звонок. Уверенный, что жена, не выдержав трехчасовой разлуки, вернулась в родное лоно, со всех ног бросился в прихожую.

На пороге, в байковом халате и розовых калошах на босу ногу, стояла пожилая соседка, Антонина Валерьевна.

– Я за тобой! – не поздоровавшись, озвучила она цель своего визита. – Знать не хочу, что у вас с Наташкой произошло, но негоже Новый год одному отмечать. Айда, Вадя, к нам. Выпьем, оливье покушаем. Салатик у меня особенный. С го-

вяжым сердцем, а не с какой – то там докторской. Пал Сергеич на баяне сыграет. Спляшем, споем, в картишки срежемся, одним словом, скучать не дадим.

Вадим вежливо отказался от приглашения и был готов хлопнуть двери, как Антонина Валерьевна без приглашения прошла в квартиру. Задержавшись у стола, придирчиво оценила масштаб бедствия: тарелка с недоеденной вермишелью, консервная банка с последним рыбным ломтиком, плавающим в масле, и полупустая бутылка.

– Жена бросила, не до жиру, – с пониманием вздохнула она. – Не запирай двери! Я мигом.

Через пять минут она вернулась, держа в руках красный пластмассовый разнос с угощениями.

– Холодец, гусиная гузка, оливье, огурчики, – выставляя на стол тарелки, озвучивала она их содержимое, – Мандарины и... – спрятав руку за спину, как фокусница вытащила литровую бутылку с мутноватой жидкостью. – Самогонка! – заговорщицки подмигнула она. – Пал Сергеич сам гнал. Три рюмашки и все печали к чертям!

Вадим с благодарностью обнял, пропахшую сердечным каплями, соседку. Жизнь заиграла новыми красками и мечта, напиться до чертей, грозилась сбыться.

Под хорошую закуску наливалось и пилось веселее. Когда яркие огоньки гирлянды, потеряв очертания, бесформенно расплылись, Вадим решил передохнуть. Откинувшись на мягкую диванную спинку, на всю мощь прибавил звук те-

левизора. В ответ на его действие покачнулась елка, а нижние ветки, украшенные разноцветным дождиком, заплясали в такт льющейся из динамиков мелодии.

Вадим напрягся и сделал попытку подняться с дивана, но неведомая сила швырнула его обратно. Дрожащими пальцами он нащупал на пульте кнопку выключения телевизора и замер, не сводя взгляда с омерзительного существа, затаившегося среди ветвей. Черное, голое, со сморщенной мордой, оно стояло на задних лапах и пожирало мишуру.

– Сгинь! – Вадим с трудом произнес это вслух. Язык, казалось, распух и едва помещался во рту.

Глаза твари вспыхнули красным огнем, пасть открылась, обнажая клыки, а лысый, похожий на хлыст хвост неистово задубасил по паркету.

Выражение «допить до чертей» оказалось реальнее, чем представлялось.

Цокая копытцами, черт обошел елку и сипло проорал: «Ва-а-дь». Расслышав в жутком вое свое имя, Вадим понял, пришел его конец.

В прихожей хлопнула дверь, послышались шаркающие шаги.

– Как хорошо, что ты двери за мной не запер, – Антонина Валерьевна нависла над Вадимом, похлопала по щекам, пощупала пульс. – Лица на тебе нет.

– Вы видите его? – Вадима качало от спиртного и трясло от страха.

Антонина Валерьевна оглянулась и радостно запричитала. – Нашелся, нашелся мой маленький. Пока салаты носила, удрал чертенок.

– Это ваш черт? – Вадим тяжело сглотнул и открутив пробку на бутылке отхлебнул из горлышка.

– Зачем же так грубо? Максимилиан его зовут. Сфинкс. Котейка мой любимый.

– Кот? – Вадима пробил приступ неудержимого смеха, – Я подумал... эээ ...неважно. До свидания, Антонина Валерьевна и дверь посильней захлопните.

– Вадя, хватит пить! – из прихожей прокричала соседка.

– Так уж и хватит, – наполняя до краев стопку, рассмеялся Вадим. Выпитое не успело добраться до желудка, как у елки вновь материализовалось нечто. Огромное и мохнатое.

– Еще один кот? – Вадим тяжело сглотнул. Круглая, лишенная ушей и усов морда мало чем напоминало кошачью. Вот только после позорного случая со сфинксом, которого спьяну принял за черта, в потусторонние существа верить не хотелось.

– Кис-кис, – опускаясь на колени, позвал он непрошеного гостя. Туша, поросшая бурой шерстью, с ревом бросилась на грудь, опрокидывая навзничь. В носу засвербило от запаха нафталина и гари.

«Домовой» – догадался Вадим. Именно так его описывала теща. Мохнатый, тяжелый, садится на грудь и зловонно дышит в лицо. Испытав на себе все ужасы общения с домовым,

стало стыдно, что насмеялся над бедной женщиной.

Вадим попробовал пошевелиться. Тело не слушалось. Закричал, но вместо крика наружу вырвался утробный рык. Вспомнил, что теща спасалась в таких случаях молитвой. Закрыл глаза и замычал: Пресвятая дева богородица... ежеси на небеси» – все, что мог вспомнить, и этого явно было недостаточно, чтобы отпугнуть домового. Разозлившись, с силой дунул в мохнатую, приплюснутую морду. Домовой громко чихнул и нехотя скатился на пол.

Дрожа от страха, Вадим дополз до прихожей. Не вставая потянул с вешалки куртку, с хрустом обрывая петельку, и вдруг осознав, что не в состоянии одеться, нащупал в кармане телефон.

– Наточка, спаси, погибаю... – тоненько завыл, услышав голос жены.

– Еду, – коротко бросила Наташа и отключилась. В душе наступил покой. Вадим знал, Наташа не обманет. Она обязательно примчится и спасет. Нужно только немного подождать.

Резкий звонок в двери заставил вздрогнуть. Вадим и предположить не мог, что Наташа так скоро на подъем.

– Наточка моя, – с трудом дотянулся до замка и повернул ключ.

Перешагнув через Вадима, стоявшего на четвереньках, в прихожую вошла Антонина Валерьевна. – Себастьян! – зычно прокричала она.

– Вадим я.

– Знаю, – отмахнулась она, – Кот у меня пропал. Не встречал?

В коридор на зов хозяйки вышел безухий мордоворот.

– Дом-мовой, – заикаясь, проговорил Вадим.

– Не домовой, а домашний, – поправила Антонина Валерьевна, отрывая бурую тушу от пола. – Безухий и безусый, любитель котлеты с огня таскать, – она громко рассмеялась,

Вадим шумно выдохнул, вытер со лба липкий, холодный пот.

– Кот? – на всякий случай уточнил он.

– Их у меня семеро, не сразу и углядишь который из них пропал.

Когда за соседкой захлопнулась дверь, Вадим поднял телефон и набрал номер жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.